

УДК 82-95; 821.111(73)

Шкуронат М. Ю.

кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії літератури
та історії української літератури
Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ «ДДПУ»
(м. Артемівськ)

ПУСТЫНЯ ДУХА В «АМЕРИКАНСКОЙ ПУСТЫНЕ»

ПЕРСИВАЛЯ ЕВЕРЕТТА

Робота має на меті привернути увагу українських літературознавців до творчості одного з найбільш плідних і досвідчених сучасних американських письменників – Персіваля Еверетта, зосереджуючись на його сатиричному романі «Американська пустеля». У романі розглядається багато болючих питань сучасного американського суспільства, зокрема, – питання істинної релігійності і духовності та показової релігійності і духовності. Стаття засвідчує, що гротескно-пародійне зображення вад суспільства змушує читача замислитися над істинними життєвими цінностями.

Ключові слова: сатира, пародійне висміювання, християнська традиція, вада, чеснота, духовність, бездуховність.

В данной статье мы хотим привлечь внимание украинских литературоведов к творчеству одного из самых плодотворных и достойных внимания современных американских писателей – Персиваля Эверетта, сосредоточившись на его сатирическом романе «Американская пустыня». В романе поднимается много болезненных вопросов современного американского общества, в частности – вопрос истинной религиозности и духовности и показательной религиозности и духовности. Статья показывает, что гротескно-пародийное изображение пороков общества заставляет читателя задуматься над истинными жизненными ценностями.

Ключевые слова: сатира, пародийное высмеивание, христианская традиция, порок, добродетель, духовность, бездуховность.

The aim of the paper is to draw attention of Ukrainian scholars to the oeuvre of one of the most prolific and accomplished contemporary American writers – Percival Everett, focusing on his satirical novel «American Desert». The novel explores many painful issues of contemporary American society, in particular – the question of true religious belief and spirituality and exponential religiosity and spirituality. The paper shows that the grotesque depiction of society defects and vices makes the reader think about the true values in life.

Key words: satire, parody, Christian tradition, vice, virtue, spirituality, anti-spirituality.

Творчество Персиваля Эверетта, одного из наиболее интересных современных американских писателей, мало знакомо отечественным литературоведам в основном потому, что на украинский язык его произведения пока не были переведены, а на русский были переведены только два из около двадцати его романов. Персиваль Эверетт – современный писатель и поэт, ученый и преподаватель, эссеист и художник, обладатель многочисленных премий и наград, автор, который достиг художественного мастерства в абсолютно разных жанрах прозы, всегда готовый предложить читателю неожиданные, волнующие и удовлетворяющие самый требовательный вкус, художественные решения, все еще обделен вниманием серьезных исследователей. Некоторые американские ученые, в частности составители сборника статей «Perspectives on Percival Everett» Кейт Митчел и Робин Вандер, утверждают, что творчество Эверетта гораздо более изучено в Европе, а именно во Франции, где были опубликованы два сборника научных статей по его прозе (2007) [Mitchell, Vander 2013:X]. В Америке, несмотря на множество положительных критических отзывов, и множество отдельных статей ученых, первый сборник вышел только в 2013 году. Составители сборника, которые заслуженно называют Эверетта одним из самых достойных и плодотворных писателей своего поколения (“one of the most accomplished and prolific writers of

his generation”)¹[Mitchell, Vander 2013:XIV], с сожалением констатируют, что американской читающей публике он так же мало знаком. В чем причина такого парадокса: с одной стороны – безоговорочное признание, с другой – недостаток внимания? Причина в том, что по существующей традиции современной американской критики, автора прежде всего оценивают на его соответствие культурно-расовой принадлежности, в данном случае, в Эверетте хотят видеть последователя афро-американской традиции, в то время как сам писатель желает, чтобы в нем прежде всего видели художника слова [См. подробнее об этом: Шкуропат 2013:172-181]. Присоединяясь к американским исследователям, мы выражаем надежду, что широта и интеллектуальная глубина опубликованных произведений П. Эверетта вдохновят уже состоявшихся и молодых исследователей начать его читать (“the breadth than intellectual depth of Percival Everett’s published works will inspire established and emerging scholars to begin reading his works”) [Mitchell, Vander 2013:c. XVII].

В своем творчестве П. Эверетт неизменно освещает болезненные проблемы современного американского общества. Как отмечает американский исследователь Ричард Шур, вопросы религии, наряду с вопросами расовой идентичности, традиционно являются целевыми объектами сатирического изображения для Эверетта (“both race and religion are Everett’s favorite targets for satire”) [Schur 2013: 75]. В данной работе мы покажем, как именно писатель раскрывает проблему духовности / бездуховности американского общества в романе «Американская пустыня».

Том Конобой называет «Американскую пустыню» сатирой на многие стороны культурной жизни современной Америки: «if American Desert isn’t satire, I’m not sure what is. It is also high octane farce, a study in psychology and a surprisingly deep analysis of love. From the start this is high pressure farce, told in a light, cartoonish manner. But don’t be fooled, because Everett is no two-dimensional farceur. Depth emerges gradually<->Everett does begin to ask questions about what it is to be human and the nature of love» («Если «Американская пустыня» несатира,

¹ Здесь и далее перевод англоязычных источников наш. – МШ.

тогда, что есть сатира. Это также высокооктановый фарс, исследование по психологии и удивительно глубокий анализ любви. С самого начала это фарс высокого давления, изложенный в легком, мультяшном стиле. Но не обманывайте себя, потому что Эверетт не двухмерный фарсовик. Глубина возникает постепенно... Эверетт действительно ставит вопросы о том, что значит быть человеком и о природе любви») [Conoboy 2009]. Литературный обозреватель газеты in LA Weekly Эренрайх, утверждает, что в его произведениях вообще мало уважения к поступательному движению американской культуры и совсем отсутствует – к попкультуре. («there is little celebration of the onward march of American culture in his work, and none of pop culture» [Managhan 2005:A18-A20]. На такие претензии критиков сам Эверест отвечает, что в своем творчестве всегда будет говорить он о том, что считает бессмысленным и зловещим, даже небудучи уверенным возможности что-либо изменить: («I'll talk about the things that I think are vacuous and the things I think are evil, knowing that certainly not because of my pointing them out will they change») [Managhan 2005: A18-A20].

Критики удивляются способности Эверетта «сохранять сатиру привлекательной, смешной и уместной, безпоучительных метаний» («to keep satire engaging, funny, and relevant without veering into the didactic realm») [Bolonic 2015]. На что писатель отвечает в одном из интервью: «the way to make satire easy is to keep as close to the truth as possible. <...> One of the most ironic things about some of my satire is that I'm fairly earnest about it. There's a lot of irony in the fact that I take the things I'm talking about seriously» («единственный способ сделать сатиру легкой – это придерживаться правды, настолько точно, насколько этовозможно. <...> Самое ироничное в моей сатире это то, что я достаточно искренне к этому отношусь. Очень много иронии в том, что к тому, о чем пишу, я отношусь серьезно») [Bolonic 2015].

Главный герой романа «Американская пустыня» – незадачливый профессор университета Тед Стрит – намеревается свести счеты с жизнью, но ему это не удастся, поскольку по пути к месту запланированного суицида, он

попадает в автокатастрофу, где лишается головы. Далее, он оживает на собственных похоронах и продолжает жить как бы в состоянии «мертвый, но не отошедший» («*Ted was not dead and gone. Ted was dead but still here*» [Everett 2004:30]): вполне удовлетворительно функционирующее тело, хотя и с отсутствующим сердцебиением («*he felt oddly alive though he couldn't feel his heart thumping in his chest*» [Everett 2004:30]) и невозможностью его умертвить, поскольку оно уже мертвое, в добавок – обостренно функционирующий мозг, неожиданно приобретший пронизательную способность к чтению мыслей на расстоянии.

Анализируя саму сцену воскрешения героя на собственных похоронах, во время прощальной церемонии в церкви, при стечении множества людей, которая переключается с основополагающим моментом христианского учения, исследователь Р. Шур пишет [Schur 2013: 81], что Эверетт трансформирует таинственную природу воскрешения в постмодернистскую комедию, когда у присутствующих возникло не состояние благоговейного трепета, а наоборот – состояние эксцентричного хаоса и насилия: «*Amid the chanting and screaming and farting, Ted Street climbed out of his box and faced the mall. As it turned out, his trousers had been Mr. Ash's size and so he was naked from the waist down (В разгар пения, визга и пука Тед Стрит выбрался из гроба и встал лицом к собравшимся. Поскольку брюки его пришлись как раз впору мистеру Праху, от пояса и ниже он был абсолютно голый)*» [Everett 2004:12]. Уже в этом эпизоде задается тональность дальнейшему ироническому обыгрыванию религиозных представлений о смерти, воскрешении и жизни после смерти.

В «Американской пустыне» П. Эверетт иронизирует над попытками существующих философских и религиозных теорий объяснить единство и неделимость тела, души и духа в человеке. Используя прием сна, Эверетт воспроизводит пародийный диалог между известными философами и теологами прошлого Ф. Гегелем, М. Хайдеггером, П. Альтхаузом и К. Хаймом. Эверетт традиционно озадачивает исследователей «набором» ученых, участвующих в дискуссии. Причем слово «набор» использовано здесь не

случайно, потому что «участники» философско-религиозной дискуссии представляют собой странные конструкторы из действительно произвольного набора голов и тел: «*Several figures sat around the table. To Ted's left sat one head shared by two bodies, each body seated in a separate chair, each torso wearing a tee-shirt, one reading Hegel, the other Heidegger. Opposite the single-headed-two bodied Hegel and Heidegger sat one body bearing two heads <...> Though the body was wearing a dress shirt with no label, Ted somehow knew that the heads were Paul Althaus and Karl Heim*» (Вокруг стола расположились еще несколько фигур. Слева от Теда устроилась голова с двумя туловищами, причем каждое туловище сидело на своем стуле и каждом торсе было натянуто по футболке, на одной была надпись «Гегель», на другой – «Хайдеггер». Напротив одноголового и двухтелесного Гегеля-Хайдеггера расположилось туловище с двумя головами <...> И хотя это тело было одето в длинную рубашку без надписи, Тед откуда-то знал, что этими головами были ПаульАльтхаус и Карл Хайм) [Everett 2004: 49-50]. Воображаемый диалог этих удивительных конструкторов касается понятий, благодаря которым названные философы и теологи были известны – бытие, ничто, экзистенция, трансцендентность, воскрешение, отделение, синтез. Философские сентенции, высказываемые участниками дискуссии, направлены на поиск комедийно-философского основания нелепого после смертного существования героя («*Pure being and pure nothing are the same*» (Чистая сущность и чистое ничто есть одно и то же), «*You are nothing and so you are pure being*» (Ты – ничто, и следовательно, ты – чистая сущность), «*There is no more Ted, there is only Ted-prime*» (Никакого Теда больше нет, есть Тед-первопричина) [Everett 2004: 50-51]) и представляют собой ничто иное, как пародию на известные попутки религиозных и светских философов найти бытийное обоснование возможности существования подобного явления. Комически обыгрывается несостоятельность попуток соединить достижения естественных наук с религиозными доктринами: «*The thing is destroyed, but continues to exist as nothing and so still is and, therefore can be reconstructed as itself*» (Вещь

уничтожена, однако продолжает существовать как ничто и, значит по-прежнему есть и потому может быть воссоздана в качестве себя самой), «*You are resurrected and resurrection is not of the soul, but the whole being, the whole person, body and soul*» (ты воскрешен, а воскрешается не просто душа, но сущность в целом: личность, душа и тело) [Everett 2004: 51]).

Название произведения возможно трактовать двояко: «Американская пустыня» – место основного действия, в прямом смысле понимается как каменистая, изрезанная каньонами и малопригодная для жизни и хозяйственной деятельности территория ряда центральных штатов Америки, (в романе Нью Мексико), которая успешно скрывает как лагеря фанатичных последователей тайных псевдо-религиозных сект и уфологов, так и тайны правительственных секретных лабораторий (которые занимаются клонированием ни много ни мало, Иисуса Христа, причем не как духовного Учителя, а как универсального воина, способного к постоянному воскрешению). В переносном – это пустыня духа, где проповедническая деятельность ложных пророков и психоделические оргии оккультных сект отмечают территорию безнравственности, бездуховности и порока, возведенного до уровня добродетели. Фанатичные последователи псевдо-пророков становятся соучастниками группового преступления – похищения детей, а за показушной активностью попечительской службы скрывается откровенное бездушие (у родителей забирают ребенка по ложному обвинению журналистов в эфире).

В этой связи, хочется обратить внимание на сатирическую параллель с христианской традицией, когда подвижники духа уходили в пустыню, следуя путем Христа для уединения, молитвы и борьбы со страстями. Насельников «Американской пустыни» Эверетта, откровенных прохиндеев и преступников, низменные страсти поглотили, эти пустынножители живут в праздности и разврате: «*bearded men and near-bearded women smoked dope and pierce sea chother at will* (бородатые мужчины и почти бородатые женщины курили наркоту и трахали друг друга как им вздумается)» [Everett 2004: 247]. В полном соответствии с высказыванием «где нет Бога, там будет зверь».

Несложно заметить в романе скептически-сатирическую аллюзию на известные евангельские события, связанные с Воскресением. Главный герой после своей неожиданной смерти воскресает на *третий* день на своих же похоронах, продолжает кратковременное существование в состоянии «*не то чтобы жив, но фактически мертв*» (как бы «*является ученикам*»), получает возможность переосмыслить свое поведение в семье, и главное – выполнить сверхмиссию – освобождение детей-заложников из заточения у фанатиков (освобождение «*безгрешных душ из ада*»), за что и заслуживает славу: родители спасенных детей называют его «ангелом-спасителем», а те самые СМИ, которые называли его дьяволом после воскрешения, в конце романа уже «*величали его спасителем, причем с большой буквы: и так он стал Спасителем маленьких детей*» («*some television news stories called Tedasavior, but they capitalized it and so he was a Savior to the little children*» [Everett 2004: 286]. После смерти и неожиданного воскрешения герой попадает в *персональный ад*, смонтированный для него из нездорового внимания медиа, похищения, столкновения с фанатиками и казни, вскрытия в засекреченной лаборатории и побега.

Таким образом, он невольно получает второй шанс – попытаться изменить что-то в мире и, что наиболее проблематично – в себе самом. В новом состоянии он чувствует себя гораздо «более живым», в смысле дееспособным, чем до смерти. Он перечитывает романы и находит в них больше смысла и радости, чем раньше, налаживает интимные отношения с женой, которой бесстыдно изменял со студентками, старается выстроить более теплые отношения с детьми. Если в жизни до аварии герой Эверетта больше руководствовался желаниями тела, то во второй жизни, после смерти, он наоборот, удовлетворяет желания духа. И в финальном, рамочном, своего рода исповедальном интервью, он провозглашает журналистам: «*I am no angel. There is no god for which I serve as an emissary. I am no savior. I am no messiah. I am finally, in this life, a decent man*» (Я не ангел. Не существует бога, посланником которого я мог бы служить. Я не спаситель и я не мессия. Я – наконец то в

этой жизни – просто-напросто порядочный человек) [Everett 2004: 290], как бы перечеркивая свою былую никчемность и утверждая окончательное самоискупление, наконец уходит в мир иной.

Таким образом, Эверетт выводит читателя на уровень экзистенциальной медитации о том, что значит быть живым, заставляет задуматься о лимите времени, отведенном каждому для выполнения своего предназначения в этой жизни, об истинных ценностях, об отсутствии второго шанса. Его герой становится по-настоящему ценным для общества после собственной смерти, и своими действиями оправдывает «чудо» своего отложенного перехода в мир иной. Если местами кажется, что писатель достаточно циничен в отношении христианской традиции, изображая многие известные моменты в гротескно-пародийном ключе, то на самом деле он побуждает читателя думать «от обратного» и разобраться в том, что демонстративная религиозность и показательная духовность, так сатирически ярко представленные в романе, на самом деле свидетельствуют об отсутствии веры и полной антидуховности, с которыми нужно что-то делать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Шкуропат 2013 – Шкуропат М. Ю. Творчество Персиваля Эверетта в освещении американской критики // Східнослов'янська філологія. – Літературознавство. Вип. 22. / Горлівський ін-т іноземних мов; Донецький нац. ун-т. Редкол.: С. О. Кочетова та інш. – Горлівка: Видавництво ГІМ, 2013. – С. 172-181.

Bolonic, Kera. Interview with Percival Everett [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.bookforum.com/inprint/012_03/2015

Conoboy, Tom. *American Desert* by Percival Everett / Tom Conoboy // [Electronic resource]. — Mode of access: <http://tomconoboy.blogspot.com/2009/01/american-desert-percival-everett.html>.

Everett 2004 – Everett, Percival. *American Desert: [a novel]* / Percival Everett. – New York: Hyperion, 2004. – 291p.

Mitchell, Keith B., Vander, Robin G. Changing the Frame, Framing the Change. The Art of Percival Everett / Keith B. Mitchell, Robin G. Vander // Perspectives on Percival Everett. – University Press of Mississippi, 2013. – pp. VII-XVII.

Monaghan, Peter. Satiric Inferno / Peter Monaghan // The Chronicle of Higher Education. Vol. 51, Iss. 23; Feb 11, 2005. – pp. 18-20.

Schur, Richard. The Mind-Body Split in American Desert. Synthesizing Everett's critique of race, Religion, and Science / Richard Schur // Perspectives on Percival Everett. – University Press of Mississippi, 2013. – pp. 75-93.